

Е. Коровин

ФРАНЦУЗСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1789 г. и ЗАКОНЫ и ОБЫЧАИ ВОЙНЫ

Статья опубликована в сборнике: Вопросы государства и права во французской буржуазной революции XVIII в. Сборник статей, посвященных 150-летию французской революции М.: Юридическое издательство НКЮ СССР. 1940. С.127-150.

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения*; Юрий Карякин, редактор сайта *Великая французская революция*, 2003
Орфография оригинала сохранена. Примечания и ссылки, выделенные шрифтом, даны ред. *Vive Liberta*

"Великие революции, — говорит Ленин, — даже когда они начинались мирно, как Великая Французская революция, кончались бешеными войнами, которые открывала контрреволюционная буржуазия. Иначе и быть не может, если на этот вопрос смотреть с точки зрения классовой борьбы..."ⁱ С 1791 г. полуфеодальные правительства Европы — Австрия, Пруссия, Россия, Швеция, Испания — сообща с контрреволюционной французской эмиграцией вовне (Кобленц) и внутри страны, мобилизуют силы для удушения французской революции, для ограбления Франции и реставрации в ней феодально-абсолютистского режима.ⁱ Коалиция опасалась, по выражению русского посла в Париже Симолина, что "революционная зараза распространится на другие государства Европы, если принципы французской конституции не будут вырваны с корнем..."ⁱⁱ К монархической коалиции присоединяется в 1793 г. Англия лэнд-лордов и Сити, борясь за захват французских колонии в Америке, за господство над Голландией и Амстердамским банком и выполняя попутно свою задачу злостного душителя народных революций.³ Коалиция вела против французского народа войну несправедливую, контрреволюционную и грабительскую. Военное насилие противники Франции применяли к ней то в виде открытой войны, то в виде интервенции (ср., например, декларацию Пруссии от 25 июня 1792 г. и манифест герцога Брауншвейгского от того же числаⁱⁱⁱ). На фактическом положении вещей это различие отражалось в том только смысле, что контрреволюционная интервенция применяла к французскому населению такие формы насилия, которые в обычной войне считались недопустимыми: сопротивление населения квалифицировалось как "мятеж", агенты революционной власти подвергались аресту и расправе как преступники и т.п. Вооруженный отпор подобного рода действиям, отражение контрреволюционной и захватнической войны были со стороны Франции и французского народа законной самообороной, ведением войны революционной и справедливой.

Поскольку всякая война есть продолжение проводимой в мирное время политики господствующего класса только другими, насильственными средствами, постольку и те правовые нормы, которые применялись воюющими во время войн периода французской революции, являлись с обеих сторон выражением определенной политики борющихся в войне классов. В то время как противники Франции, ведя против нее войну контрреволюционную и захватническую, руководствовались международно-правовыми принципами феодально-абсолютистского государства, революционная Франция закладывала в своих войнах основы нового "права войны". Говоря словами Ленина, "как внутри страны французский революционный народ тогда впервые проявил невиданный в

ⁱ См., напр.: *Фоссей Дж. Кобб Херншоу? Европейские коалиции, союзы и согласия, 1792-1918 гг.* (<http://vive-liberta.narod.ru/doc/mid2.pdf>); *В.Третьяков, Французские революционные войны 1792-96 гг. Стратегический очерк* (<http://vive-liberta.narod.ru/journal/tretyakov.pdf>).

ⁱⁱ *И.Симолин, Деша вице-канцлеру графу Остерману* - подробное изложение событий 11-17 июля 1789 года в Париже (<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/dep66.pdf>); *Н.Лукин, Царизм и Французская буржуазная революция 1789 года: по донесениям И.М.Симолина* (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/luk_simolin.pdf).

ⁱⁱⁱ См.: http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_92_2.htm.

течение столетий максимум революционной энергии, так и в войне конца XVIII века он проявил такое же гигантское революционное творчество, пересоздав всю систему стратегии, порвав все старые законы и обычаи войны..."⁴

Так же, как и в других областях права, изменение соотношения классовых сил внутри Франции и переход от диктатуры революционного "плебса" к диктатуре крупного капитала последовательно отражались и на международной политике Франции, и на оформлявших эту политику правовых институтах. В период "буржуазной оргии" Директории и Бонапарта война постепенно утрачивала для Франции свой первоначальный смысл и после окончательной победы реакции внутри страны при Наполеоне I превратилась из войны оборонительной в войну завоевательную. Однако вовне, для феодально-абсолютистской Европы, Наполеон, охранявший те результаты революции, которые были выгодны крупной буржуазии, оказывался "...разрушителем старого феодального общества" и в других странах (но не везде, например, этого нельзя сказать в отношении России в 1812 г.) применял в форме войны "режим террора, который сделал свое дело во Франции..."⁵ Поэтому даже наполеоновские методы войны и правовые ее формы были в целом выше соответствующих методов и международно-правовой практики окружавших Францию государств.^{iv}

II

Переходим к разбору отдельных институтов международного права военного времени. Формальным началом революционных войн было объявление Францией декретом законодательного собрания от 20 апреля 1792 г. войны Австрии.⁶ В первой части декрета перечисляются враждебные действия венского правительства: "явное покровительство французским мятежникам", "соглашение со многими европейскими державами, направленное против независимости и безопасности французской нации", отказ "перевести пограничные войска на мирное положение" и др. Во второй своей части декрет объявляет, что французский народ, верный освященным его конституцией принципам — "не предпринимать никакой завоевательной войны и не употреблять своих сил против свободы какого-либо народа" (из VI раздела французской конституции 3 сентября 1791 г.), берется за оружие лишь для защиты своей свободы и независимости, что война, которую он вынужден предпринять, является не войной народа с народом, а справедливой защитой свободного народа против несправедливого нападения короля.

Объявление Францией войны и изданный в связи с этим декрет представляют тройкий интерес и ценность. Во-первых, они наглядно свидетельствуют о том, что социально-историческое качество войны, ее справедливость не определяются формальным моментом — кто начал войну, кто первый перешел границу, ибо как нападение, так и "...вторжение не исключается ни в какой войне".⁷ Война 1792 г. была для Франции навязанной, строго оборонительной, хотя формально Франция первая объявила войну. Во-вторых, Франция своим объявлением войны 20 апреля 1792 г. внесла в международную практику новый социально-политический критерий для оценки справедливости войн (если не считать его предшественником аналогичные документы национально-освободительной борьбы США), в корне отличный от феодальных, формальных и церковных критериев "справедливой" войны — *auctoritas principis, justa causa, intentio recta*. И наконец, в-третьих, Франция устанавливает прецедент (титул III, гл. III, раздел I, статья 2 конституции 1791 г.), перешедший во все последующие конституции революционной эпохи, согласно которому "война не может быть решена иначе, как декретом законодательного корпуса". А это значило в рамках существующей легальности "сделать почти невозможной всякую наступательную войну" (Олар). Благодаря процедуре гласности, принятой в тогдашних французских законодательных собраниях, это значило, кроме того, ввести в международную практику правило предварительной нотификации войны.

Из других институтов международного права военного времени наиболее существенные новеллы французская революция внесла в понятие комбаттантов и режим пленных и раненых.

ФРАНЦУЗСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1789 г.

^{iv} См., в частности, сб. текстов «Международная политика в документах» (<http://vive-liberta.narod.ru/journal/dipl.htm#mid>) и «Французская дипломатия во время Революции: материалы Министерства иностранных дел Франции» (<http://vive-liberta.narod.ru/journal/dipl.htm>).

В то время как античное и феодальное право считало врагами и объектами военного насилия всю совокупность подданных неприятельского государства, революционная Франция, соответственно формуле Руссо — "война не является отношением человека к человеку, но отношением государства к государству, при котором частные лица бывают врагами только случайно, — отнюдь не в качестве людей, и даже не в качестве граждан, но как солдаты"⁸ считает комбаттантом только вооруженного бойца: "Каждый французский гражданин имеет право на обращение с ним как с солдатом в том случае, если он взят неприятелем с оружием в руках."⁹ Если, по Гроцию (1625 г.), "международное право не защищает детей и женщин от военного насилия, и их можно убивать безнаказанно"¹⁰, то французский военно-уголовный кодекс от 21 брюмера V года устанавливает (раздел V) самые суровые кары за насилие над безоружным "мирным" населением. Разделение и противопоставление понятий "комбаттант" и "мирное население" и признание за обеими категориями определенных прав и обязанностей неразрывно связаны с переходом Франции от системы пополнения армии наемными и крепостными рекрутами к системе всеобщей воинской повинности (декреты Конвента от 24 февраля и 23 августа 1793 г.).

Необходимость этого разделения применительно к международному праву была ярко подчеркнута и выражена одним из современников той эпохи и видным участником буржуазной революции в США В. Франклином в его рассуждениях по поводу прусско-американского договора 1785 г. Земледельцы и рыбаки, указывал Франклин, должны быть неприкосновенными, поскольку они необходимы для пропитания остального населения, купцы и торговцы — поскольку они полезны всем народам как содействующие обмену и удовлетворению жизненных потребностей и удобств, а также ремесленники и артисты.

Период наполеоновской диктатуры характеризуется качественным ухудшением французских вооруженных кадров (проект покупки негритянских солдат в 1799 г., закон 1800 г. о допущении заместительства и найма рекрутов).¹¹ Соответственно ухудшается и отношение французского правительства к неприятельским комбаттантам, о чем свидетельствуют, например, расстрелы партизан в Италии, Испании и России. В общем можно признать, что выделение комбаттантов из массы мирного населения и обеспечение последнему минимума личной и имущественной безопасности были защитой интересов буржуазии и тех групп трудящихся, которые представляли для нее особый экономический или политический (резервы буржуазной революции) интерес.

Ту же в основном эволюцию можно проследить и в режиме военного плена. Убийство пленных и выкуп пленных были повседневной практикой феодального средневековья.¹² Каторжный труд (галеры) — обычная участь пленных, равно как и частое принуждение их (например, в войнах Фридриха II) сражаться против своего отечества.

Через две недели после начала первой из французских войн, 4 мая 1792 г., Законодательное собрание издает декрет о пленных.¹³ В мотивировочной его части указывается, что пленный должен быть "неприкосновенным, как суверенитет народа, и священным, как несчастье". Согласно декрету, "военнопленные находятся под охраной нации и под особым покровительством закона". Всякое насилие или оскорбление, нанесенное военнопленному, карается так, как если бы оно было нанесено французскому гражданину (ст.2). Пленные получают во Франции жалованье и содержание, "которыми пользуются соответствующие чины французской пехоты" (ст.5). Пленные, давшие обещание не покидать отведенного им местожительства, пользуются правом на льготный режим (ст.ст. 6 и 7). Регламент от 20 июня 1792 г. уточняет детали содержания военнопленных. По декрету от 25 мая 1793 г., допускается полное освобождение пленных при условии дачи ими обещания не участвовать в военных действиях. Запрещается также принуждать пленных к вступлению во французскую армию. Постановление Временного исполнительного совета от 21 июня 1793 г. предписывает "бережное обращение с людьми, которые по праву войны находятся под охраной и покровительством великодушного народа". Декрет Комитета общественного спасения от 6 августа 1793 г. также предлагает обеспечить пленным "гуманное обращение".¹⁴ В соответствии с новыми принципами плена французское правительство отказалось (декреты от 19 сентября 1792 г., 25 мая и 3 июня 1793 г.) от выкупа пленных ("рансониование") и установило порядок обмена пленных офицеров и солдат на началах

полного их равенства.¹⁵ Использование пленных как рабочей силы в первые годы революции носило характер исключения.¹⁶ Организованное использование, вернее, эксплуатация труда пленных относится ко временам Директории и Бонапарта.

Значительно худшие условия, в которых находились пленные французы в неприятельских государствах вплоть до принудительной вербовки их в неприятельские армии, ставили неоднократно французское правительство перед необходимостью прибегать к репрессалиям для воздействия на противника. Согласно ст.2 декрета от 1 августа 1792 г., в случае нарушения законов войны со стороны противника французы применяют репрессалии к неприятельским "дворянам, офицерам и генералам, взятым с оружием в руках". Напротив, "по отношению к солдатам неприятельских армий во всех случаях будут применяться обычные правила войны..." (ст.3).¹⁷

Новый французский режим военного плена был связан, с одной стороны, с изменением системы пополнения французской армии (всеобщая воинская повинность): французская буржуазия была заинтересована в обеспечении возможно лучшего режима для своих пленных за границей. С другой стороны, гуманное обращение с неприятельскими пленными стало на определенном этапе французской революции одной из форм борьбы за международные резервы буржуазной революции, за расширение ее базы, поскольку основное ядро неприятельских армий составляла деревенская и городская беднота.

Аналогичные тенденции наблюдались и в обращении с ранеными бойцами. Для феодала раненый наемник или крепостной — обременительная обуза; отсюда частое прикалывание своих раненых. С утверждением королевского абсолютизма и возникновением постоянных наемных армий появились первые проблески заботы о раненых: "Для сохранения солдат, равно как и лошадей, необходимо заботиться об их хорошем состоянии" (Фридрих II). Еще в худшем положении находились неприятельские раненые. Убийство их и ограбление были повседневным явлением и составляли одну из функций феодальной пехоты. Совершенно иначе был поставлен вопрос о раненых в законодательстве и практике революционной Франции. Декретами Законодательного собрания от 21 и 27 апреля 1792 г. предписывалась организация лечебных учреждений, "где воин мог бы найти помощь от болезни"; одновременно за ним признавалось право на заботу со стороны государства-отечества.¹⁸ В силу декрета Конвента от 25 мая 1793 г. (ст.23) "больные и раненые, захваченные в плен, получают в военных госпиталях республики, подвижных и постоянных, тот же уход, что и французские солдаты".¹⁹ Французское революционное законодательство впервые привлекло медицинский персонал на военно-санитарную службу в порядке мобилизации (закон 3 вентоза II года и др.).²⁰ Впервые в революционной Франции начала разворачиваться и общественная помощь военно-санитарным учреждениям в виде многочисленных пожертвований, индивидуальных и коллективных. В наполеоновских армиях попечение о раненых, своих и неприятельских, значительно снизилось. По свидетельству Б.Констана, "эгоизм" и "бессердечие к врагу" становятся типичными для командного состава. "Больные и раненые являются в глазах офицера, которому они поручены, стеснительной помехой, и он отделяется от нее какою угодно ценой..."²¹

Международное право феодально-абсолютистского государства не было разборчиво в отношении средств ведения войны. Так, Бинкерсгук и другие международники того периода считали допустимыми на войне и яд, и убийство военачальников, и истребление частной собственности.²² Практика XVII и XVIII веков, например, практика войн Людовика XIV и Семилетней войны, не отставала в этом отношении от теории. В борьбе с революционной Францией коалиция монархов применяла неограниченный произвол в выборе средств войны. Английское правительство аргументировало защиту этого произвола в ноте от 17 июля 1793 г. тем, что "Франция сама поставила себя вне европейского публичного права". В войне с Францией ее противники прибегали к отравлению колодцев и пуль (в Шалоне, в Кайзерслаутерне и др.)²³, к похищению и убийству французских дипломатических агентов (Маре, Семонвиль, Басвиль, Бонье, Робержо), к подделке французских денег ("фабрика" Пюизе и аббата Каллона)²⁴, к применению в невиданных ранее масштабах шпионажа, диверсий, провокации, подкупа и измены.

Многочисленная французская контрреволюционная эмиграция состояла на полном иждивении врагов Франции и пополняла их вооруженные кадры. Достаточно напомнить, например, корпус Кондэ и так называемую Киберонскую экспедицию. Внутренняя эмиграция, субсидируемая из-за границы (Тулонский "заем"), организовывала контрреволюционные заговоры и восстания (Вандея, шуаны) под руководством дворянства, оплакивавшего свои феодальные привилегии, и контрреволюционных церковников. "Всякий, кто посещает церковную службу, — враг республики", — признавался Малле дю Пан.²⁵

Грандиозная сеть иностранного шпионажа опутывает Францию. Неприятельская агентура пользуется услугами иностранных дипломатов, аккредитованных во Франции. Русский посол Симолин покупает французский дипломатический шифр, завербовывает на службу петербургского двора Талейрана и Мирабо; резолюция Екатерины II: "проявить щедрость" — свидетельствует, что "услуги" их оценивались достаточно высоко. Симолин содействует организации бегства в Варенн Людовика XVI и с секретным поручением Марии Антуанетты едет к германскому императору, чтобы активизировать военные операции коалиции против Франции.²⁶ Моррис, посол США в Париже^v, не только поддерживает жирондистов и активно борется с монтаньярами, но доходит до прямого поощрения роялистских заговорщиков.²⁷ Мадам де-Сталь, дочь бывшего королевского министра Неккера и жена шведского посла, превращает шведское посольство в конспиративный штаб противников Конвента и в связующее звено с зарубежной монархической эмиграцией. После высылки мадам де-Сталь из Франции ее заграничная вилла стала, по отзыву ее ближайшего друга Б.Констана, "магическим дворцом, откуда благодетельная фея отправляла добрых духов для борьбы с духами зла". Подобного же сорта "духи" имели на территории революционной Франции и других руководителей, вроде, например, Жозефа де-Местра, француза по происхождению, министра сардинского короля по должности, мистического апологета феодальной реакции по призванию и руководителя сардинских шпионов во Франции по совместительству; он же — организатор диверсий во французских Альпах (1793 г.).²⁸

Наиболее крупные средства на шпионско-диверсионную работу во Франции тратила Англия. Агент Питта Викгэм, обосновавшись, безопасности ради, в нейтральной Швейцарии, покрывает оттуда Францию сетью своих высокооплачиваемых (2500 ливров в месяц и больше) "резидентов". "Викгэм и его касса, — говорит Сорель, — являлись настоящей обетованной землей для людей, желавших ловить рыбу в мутной воде. Не успел он явиться и открыть свой кошелек, как ему наперебой стали предлагать и выдачу государственных тайн республики, и подкуп всех республиканцев, и организацию восстания во всех французских департаментах".²⁹ Яркая иллюстрация методов деятельности неприятельской разведки во Франции — события летом 1793 г. В июле этого года из документов портфеля, доставленного в Комитет общественного спасения, было обнаружено, что его владелец, крупный английский шпион, имел своих субагентов в Лилле, Нанте, Дюнкирхене, Руане, Аррасе, Сент-Омере, Булони, Туаре, Туре, Канне, т.е. как раз в тех самых городах, которые в 1793 г. оказались ареной контрреволюционных выступлений. В инструкции английским агентам на местах предлагалось вести систематическую кампанию по подрыву французской валюты и искусственному подъему дороговизны во Франции. "Поднимите курс до 200 ливров за 1 фунт стерлингов... Надо понизить, насколько возможно, курс ассигнаций и не принимать ассигнаций без изображения короля... Поднимите цены на все съестные продукты. Прикажите вашим торговцам скупить все продукты первой необходимости", — предписывалось в этой инструкции. Тем же агентам предписывалось озаботиться заготовкой фосфорных фитилей для поджога французских арсеналов и продовольственных складов. И действительно, поджоги и взрывы имели место в Дуэ, Валансьене, в корабельных мастерских Лорианского порта, на патронных заводах Байонны, в Шемильском артиллерийском парке и в других местах. Убийство Марата и покушения на Робеспьера — наглядный показатель того, что враги французского народа не отказывались в (борьбе с революцией от применения и индивидуального террора.³⁰

^v О Симолине и правительстве России см. ссылку выше. О позиции США см. переписку Г.Морриса (http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_92_2.htm#Gmor; <http://www.diary.ru/~vive-liberta/p59772376.htm#>).

Своих агентов враги Франции вербовали также среди иностранных эмигрантов, пользовавшихся правом убежища, великодушно и доверчиво предоставленным им французским народом. Среди перебежчиков и эмигрантов, выдававших себя за жертвы феодального террора, "оказалось немало шпионов, находивших более удобным устраивать свои дела под защитой трехцветной кокарды и красного колпака".³¹ Прусский барон и миллионер Клоотс ("берлинский шпион", по свидетельству Марата^{vi}), его кузен Проли, голландский банкир "Ван-ден-Ивер, австрийские купцы и агенты Готлоб и Добруска, они же — и братья Фрей, они же — Шенфельд, поляк Мячинский и многие другие международные авантюристы³² нанесли своей шпионской и провокаторской деятельностью немалый ущерб революционной Франции.

Кадры предателей пополнили собой и виднейшие представители жирондистской оппозиции. С углублением французской революции они в своей борьбе с монтаньярами докатились до службы в неприятельской агентуре. "Большинство жирондистов — не изменники, — говорит Маркс, — но среди них скрывались изменники".³³ Карра, прославлявший в своих "Политических анналах" неприятельского главнокомандующего герцога Брауншвейгского, был награжден за "особые заслуги" прусским королем золотой табакеркой. Бриссо, обливавший помоями якобинцев ("эта партия была и остается единственным источником всех бедствий, внутренних и внешних, удручающих Францию") одновременно пропагандировал водворение английского принца на французский престол. Многие другие жирондисты из числа тех, кто, по деликатному выражению Кунова, "отдавал свое перо тому, кто в нем нуждался и мог платить", — типичные представители этой разновидности неприятельской агентуры во Франции.^{34vii}

Другой образчик логического завершения контрреволюционной борьбы черным предательством и изменой — это поведение "колонистов" (рабовладельцев-плантаторов) острова Сан-Доминго и других американских колоний Франции. Когда французское революционное правительство вступило на путь уравнивания негров в правах с белыми, колонисты ответили на это контрреволюционным мятежом. Они пошли на заключение договора с Англией (3 сентября 1793 г.), по которому отдали себя под "покровительство" английского правительства. Последнее в свою очередь обязалось сохранить в силе "законы относительно собственности и всех других прав, которые существовали в колонии до французской революции" (ст.5), иначе говоря — сохранить рабство и работорговлю⁴.

Грязные щупальцы международной контрреволюции протягивались в самый центр государственного управления революционной Франции.

В архиве лорда Гренвилля, английского министра иностранных дел, современника французской революции, имеется двадцать восемь донесений английского шпиона во Франции, сносившегося с английским правительством через английского резидента в Генуе Ф.Дрэка. Дрэк квалифицирует своего корреспондента как "секретаря Комитета" (общественного спасения).³⁶ Отсюда — многозначительные пометки в записной книжке Робеспьера: "Гнусное разглашение секретов Комитета либо со стороны канцелярских служащих, либо со стороны других лиц... Изгоните, прежде всего, предателя, который заседает вместе с вами". Вторая запись Робеспьера: "иметь два плана; один — для канцелярских служащих", т.е. специально для наведения шпионов на ложный след. Известные в настоящее время исторические материалы позволяют утверждать, что неприятельские государства имели свою агентуру не только в аппарате Комитета общественного спасения, но и среди его руководителей. Достаточно сказать, что агентом врагов французского народа был Дантон.

^{vi} В данном случае обвинение против Клоотса ложное. См. о нем: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#cloots>.

^{vii} Собрание материалов о жирондистах: http://vive-liberta.narod.ru/discuss/gjirond_ind.htm. См. также фрагменты книги Г.Кунова «Борьба классов и партий в Великой французской революции».

О тактике Конвента на поле дипломатии см. работы А.Нарочницкого: «Вопросы войны и мира во внешней политике якобинской республики летом 1793 г.» (http://vive-liberta.narod.ru/journal/naroch_dip_2.pdf), «Робеспьеровский Комитет общественного спасения и нейтральные страны с осени 1793 г. до раскола среди якобинцев» (http://vive-liberta.narod.ru/journal/dipl.htm#dipl_csp), «Якобинская республика и нейтральные государства летом 1793 г.» (http://vive-liberta.narod.ru/journal/naroch_diplm_jc.pdf).

Моральная неразборчивость и денежная нечистоплотность были издавна ахиллесовой пятой Дантона.³⁷ Начав свою политическую карьеру бедняком, Дантон стал потом миллионером. В 1801 г. бывший начальник тайной полиции Талон показал перед судом консульства, что во время процесса Людовика XVI "Дантон обещал спасти всю королевскую семью" и что операция сорвалась только потому, что "иностранные державы отказались пойти на материальные жертвы, которых требовал Дантон..."³⁸ По свидетельству американского посла Морриса, Дантон подготовлял заговор для воцарения дофина (Людовика XVII), обеспечив за собой место регента.³⁹ Показания Талона полностью подтверждаются Т.Ламеттом в его мемуарах, а также отправкой самого Талона в Англию к Питту с секретными поручениями от Дантона. Через того же Талона Дантон и сам заручился паспортом для выезда в Англию. Несмотря на противодействие Робеспьера, Дантон провел избрание в Конвент герцога Орлеанского (Ф.Эгалитэ), что объяснялось еще современниками Дантона как результат денежной сделки между ним и герцогом, тесно связанным с английским правительством.⁴⁰ Из недавно обнаруженных рукописных заметок французского короля Людовика Филиппа, сына герцога Орлеанского и соучастника измены Дюмурье, видно, что Дантон предлагал ему свое содействие для захвата французского престола.⁴¹ Дантон поддерживал тайные сношения с маркизом Ларуари, организатором контрреволюционного восстания в Бретани. Причины скрытого "влечения" Дантона к Англии, равно как и другие его "опасные связи", стали ясны после опубликования документов, найденных у Дантона при аресте. В бумагах Дантона было обнаружено письмо, адресованное английским министерством иностранных дел своему банкиру Перрего (английскому тайному агенту в Париже). В этом письме английское правительство предлагало Перрего выплатить различным лицам, обозначенным условными инициалами, 3, 10 и 12 тысяч ливров в награду "за существенные услуги, которые они нам оказали, раздувая пламя возмущения и доводя якобинцев до пароксизмов ярости". По справедливому замечанию Матьеза, "это письмо могло фигурировать в бумагах Дантона только потому, что Перрего сообщил его Дантону как лицу, непосредственно заинтересованному".^{42viii}

Ближайшими сотрудниками Дантона в его сношениях с заграницей были министр иностранных дел Лебрен, впоследствии оказавшийся секретным агентом Австрии (с 1787 г.) и Англии⁴³, а также банкир Проли, тайный агент австрийского правительства, он же — секретарь члена Комитета общественного спасения Эро де-Сешеля. Последний, ежегодно менявший свою политическую окраску (фельян — жирондист — монтаньяр — гебертист), будучи членом Комитета общественного спасения, перебросил за границу целую банду неприятельских шпионов — Перейру, Дюбюиссона, Куендра, Лафайя, работавших на де-Мона и Симона, тайных агентов германского императора, и сам, по признанию Фабра д'Эглантин, был активным участником иностранного заговора. Именно его имела в виду приведенная выше запись Робеспьера, и о нем же отзывался Сен-Жюст, говоря: "Доверие не имеет цены, когда его приходится делить с подкупленными людьми". Часто неприятельская агентура свивала себе гнездо в таких французских учреждениях и организациях, которые казались весьма далекими от политической арены. Так, например, отделением английской разведки оказался "филантропический институт" в Бордо.^{44ix}

Одним из орудий борьбы против Франции со стороны коалиции была провокация к измене командного состава революционных армий, не было почти ни одного видного французского полководца, которого враги Франции не пытались бы склонить к измене, — от Люкнера и Депре-Красье до Гоша, Моро и Бонапарта.⁴⁵ Имена и действия генералов-

Vive Liberta и Век Просвещения;

Великая французская революция, 2003

^{viii} Данная часть статьи — обвинение против **Дантона** — строится главным образом на материалах А.Матьеза, франц.историка-робеспьериста, который, в свою очередь, лишь выстраивает *косвенные* доказательства и безоговорочного доверия не заслуживает. О Дантоне см.: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#dnt>.

^{ix} Обвинение против **М.-Ж.Эро де Сешеля** в шпионаже в пользу иностранных государств также остается не доказанным. См. о нем: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#HS>. **Фабр д'Эглантин**, здесь упоминаемый, был замешан в «деле Ост-Индской компании», но его подлинная роль и степень вины не может быть определена на основе имеющихся противоречащих одно другому свидетельств. О Фабре см. материалы: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#FE>. В целом статья, при содержащихся в ней важных материалах, несвободна от простого повторения «шпиономанских» доводов, характерных для напряженной политической жизни в годы Великой французской революции.

изменников — Дюмурье, Пишегрю, Вимпфена, Вилло и Кюстина, адмиралов Трогофа, Пюиссара и Шосегро — говорят сами за себя.^x

Революционный Конвент не ограничился сокрушительным ударом по вражеской агентуре внутри страны. Заклеймив постановлением от 1 августа 1793 г. способы ведения войны монархической коалицией как "поведение трусливое, вероломное и жестокое", как "подкуп убийств, отравлений, поджогов и всех преступлений для торжества тирании и для уничтожения прав человека", Конвент и руководимые им французские революционные армии ответили врагам Франции новой военной тактикой⁴⁶ и новыми методами революционной войны. Вместе с тем в ряде случаев французское правительство считало необходимым отплачивать противнику его же оружием. Так, например, из донесений французского командования было установлено, что английские парламентарии неоднократно являлись во французские порты и укрепленные пункты, чтобы под предлогом переговоров разведывать состояние французских укреплений и расположение частей. Временный исполнительный совет постановлением от 17 мая 1793 г. предложил французскому командованию "прибегнуть к репрессалиям, направляя парламентариев с той же самой целью и с аналогичными инструкциями".⁴⁷

Не отказывалось французское правительство и от диверсий, применяя их, однако, исключительно к объектам военного значения. Например, комиссар и член Конвента Мерлен (Тионвилль) сообщает 8 марта 1793 г. военному министру: "В Гейдельберге находится склад, способный прокормить их (австрийскую) армию в течение всей кампании; мне обещали его сжечь; я обещал от имени нации вознаграждение".⁴⁸ Следует, однако, отметить, что всякого рода предложения, делавшиеся французскому правительству, о применении к неприятельским королям и военачальникам индивидуального террора (проекты "тираноубийц"), им систематически отклонялись.⁴⁹ Точно так же, когда Комитету общественного спасения сделано было одним англичанином предложение о подделке билетов Английского банка, Комитет не только категорически отверг это предложение, но по докладу Барера 26 июня 1794 г. заключил его автора в тюрьму.⁵⁰

24 сентября 1793 г. Комитет общественного спасения постановил во всех государствах, кроме США и Швейцарии, иметь свою секретную агентуру. Записка "о плане наблюдения" требовала от французских секретных агентов, помимо информации, ведения активной пропаганды ("указывая на недостатки правительств, на тягость и бесполезность войны").⁵¹

Одной из наиболее грозных мер международной борьбы в руках революционной Франции была революционная пропаганда и сотрудничество с национально-освободительным движением в неприятельских странах. Базой для этого послужил знаменитый декрет от 19 ноября 1792 г., обещавший "братство и помощь всем народам, которые пожелают вернуть себе свободу". Согласно Официальному комментарию, данному в ноте французского министерства иностранных дел от 9 декабря 1792 г., декрет предусматривал, во-первых, поддержку со стороны Франции восстания, вспыхнувшего на неприятельской территории, и во-вторых, помощь народам, совершившим у себя революцию, если их революционные правительства обратятся к Франции за этой помощью.⁵²

При использовании французским правительством революционного движения в стране неприятеля ясно наметилось расхождение двух тактик в самой Франции. Для жирондистов зарубежная революция была прежде всего средством ослабления противника; отсюда — "экспорт революции" и отказ от него как разменная монета при заключении мира. Якобинцы — противники "пропаганды оружием". Они интересовались только теми движениями, которые считали созвучными плебейской революции во Франции, и стремились установить с ними единый фронт против общих врагов. Типичные образчики жирондистской тактики — попытка французского посла в США Жене революционизировать американские колонии Испании⁵³ и план Бриссо—Форстера

^x См. *Н.Коган «Генералы-изменники перед судом парижского Революционного трибунала»* (http://vive-liberta.narod.ru/journal/generales_kogan.pdf); *Э.Ференбах, «Идеологизация войны и радикализация Французской революции»* (http://vive-liberta.narod.ru/journal/arm_fehrenbach.pdf); подборки материалов о генералах на сводных страницах (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm>, <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm>, <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm>, <http://vive-liberta.narod.ru/ref/curriculumvitae.htm>).

поднять Индию против англичан при помощи Типо-Саиба, поскольку "магометанская религия, очищенная от фанатизма, при мягком климате Индии не противится прогрессу и просвещению".⁵⁴ Примером якобинской тактики может служить сдержанная позиция Конвента в переговорах с вождями польского восстания (Костюшко и др.). В этом смысле характерно постановление Комитета общественного опасения от 28 апреля 1794 г. "выслушать польского агента, ничего не обещая", а также заявление Сен-Жюста польскому уполномоченному Барсу: "Франция не отпустит ни малейшей крупички золота, не рискнет жизнью ни одного человека для укрепления революции в Польше, если она будет направлена к установлению правительства аристократического или королевского".⁵⁵

Директория и Бонапарт расценивали революцию у неприятеля с точки зрения чисто военной диверсии. Так, в начале 1796 г. Директория одобряет план высадки в Англии французского отряда для поддержки ирландских революционеров. План предусматривает набор для десанта людей, "доступных приманке добычи, умеющих, по примеру флибустьеров на Антильских островах, внести среди своих врагов ужас и смерть". Для этой цели рекомендуется терроризировать землевладельцев, "возмущать рабочих", а в качестве ядра для экспедиции использовать "освобожденных каторжников".^{56xi}

Еще откровеннее выражался Наполеон. "С тех пор, как я в Италии, — писал он 7 октября 1797 г. министру иностранных дел, — любовь народов к свободе и равенству мне совсем не помогала, или, по крайней мере, помогала в очень слабой степени... Такова действительность: все, что годится для прокламаций, для печатных речей, все это — беллетристика".⁵⁷ Пример подобной "беллетристики" — приказ Наполеона генералу Жентили (1797 г.) об управлении греческими островами: "Если жители будут склонны к независимости, вы будете услаждать их вкус и не преминете говорить в различных прокламациях, которые вы обнародуете, о Греции, об Афинах и о Спарте".

Новые принципы внесла французская революция и в институт военной оккупации.

Военная оккупация в феодальном международном праве не знала никаких ограничений. Захваченная войсками одного феодала территория другого становилась собственностью завоевателя, жители завоеванной территории становились его подданными. Оккупация, как правило, сопровождалась ограблением занятой местности и произвольно жестоким обращением с ее населением. По выражению современников, короли, занимая неприятельскую территорию, грабили ее "по-королевски" (regalier).

Совершенно на других началах построена была военная оккупация в практике французских революционных войн. Декрет Законодательного собрания от 20 апреля 1792 г. гласил: "Мирные граждане, страна которых будет занята войсками, отнюдь не будут для них врагами; они не будут даже подданными. Государственное принуждение, временным носителем которого будет армия, будет употребляться только для обеспечения их спокойствия и для поддержания их законов... Солдаты будут вести себя на иностранной территории так, как бы они вели себя на французской территории, если бы были вынуждены сражаться на ней. Невольные страдания, которые войска могли бы причинить гражданам, будут возмещены. "Наше оружие, — разъясняет инструкция французского министерства иностранных дел, — не должно присваивать ни чужого золота, ни чужих земель".⁵⁸

16 ноября 1792 г. Временный исполнительный совет обсуждал "поведение французских армий в оккупированных ими землях и специально в Бельгии". Совет высказался за свободу плавания и торговли по бельгийским рекам — "течение рек — общая и неотчуждаемая собственность всех стран, омываемых их водами". В качестве мотива такого решения совет указывал: "Честь французской республики требует, чтобы везде, где распространяется покровительство ее армий, свобода была восстановлена, а тирания низвергнута".⁵⁹

19 ноября 1792 г. Конвент, обещая "братство и помощь всем народам, которые пожелают вернуть себе свободу", предлагает правительству дать необходимые указания

^{xi} Об экспедиции в Ирландию см., напр.: **К.-М.Андерсен, «ФРАНЦИЯ ВРЕМЕН ДИРЕКТОРИИ В «ДНЕВНИКАХ» Т. -У. ТОНА»,** глава VI из «Истории Ирландии» - «Подъем национально-освободительной борьбы в конце XVIII в.»; о Бельгии и Нидерландах: **Г.Бауман, «ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И НИДЕРЛАНДЫ».**

французским генералам "для оказания помощи этим народам, для защиты тех граждан, которые подвергались преследованию за дело свободы или могут подвергнуться".⁶⁰

Ноябрьские декреты получают свое дальнейшее развитие и дополнение в декрете от 15 декабря 1792 г.⁶¹ Согласно декрету, генералы, командующие французскими армиями, немедленно по занятии неприятельской территории провозглашают упразднение всех феодальных прав, налогов и повинностей (ст.1). Они созывают население на первичные собрания для избрания временных властей взамен упраздненных (ст.2). В выборах участвуют принесшие присягу свободе и равенству (ст.3). Избранные власти действуют совместно с комиссарами Конвента (ст.ст. 5 и 7). Их полномочия оканчиваются после организации населением правительства свободного народа (ст.9). С населением, которое "откажется от свободы и равенства" и пожелает сохранить феодально-абсолютистский строй, Франция будет обращаться как с врагом (ст.11). Французские ассигнации получают хождение на оккупированной территории, имущество "привилегированных" секвеструется, чрезвычайные контрибуции взимаются только с "привилегированных" и богачей по принципу "мир хижинам, война дворцам". 21 января 1793 г. декабрьский декрет был распространен на все оккупированные французскими войсками территории.

Сопrotивление бельгийских помещиков, церковников и влиятельных кругов бельгийской буржуазии, интересы которой не всегда совпадали с интересами французской буржуазии, имело своим следствием издание декрета от 15 сентября 1793 г., предлагавшего французским генералам "осуществлять в отношении стран и лиц, покоренных их оружием, обычное право войны".

Декрет был уточнен инструкцией Комитета общественного спасения от 18 сентября 1793 г.⁶² Это, однако, не значило, что прежние революционно-демократические методы обращения с населением изгонялись из французского оккупационного режима. Последний в первую очередь определялся соображениями военного порядка и безопасности (взятие заложников, обеспечение снабжения и экипировки войск за счет местных средств, реквизиция лошадей, продовольствия, металлов, пеньки, полотна, шерсти и пр.).

В документах французской революции находится ряд описаний совершенно исключительных форм осуществления оккупационного режима. Так, например, в донесениях комиссаров Конвента от 19 жерминаля II года описывается "бесподобное (sublime) поведение" французских войск на генуэзской территории: "Защитники отечества, утомленные, жаждущие отдыха, не решались мять зеленую траву, приглашавшую их к отдохновению... Если кто-нибудь по неосторожности ложился на зелень, которую считал бесполезной, то он предлагал, по первому заявлению собственника, оплатить ее стоимость и т.д."⁶³ Не подлежит, однако, сомнению, что во французской оккупационной практике встречались и эксцессы и злоупотребления. Иллюстрацией этого являются, например, "эвакуация" Пфальца, вымогательства поставщиков Дюмурье, деятельность Кюстина в Майнце.⁶⁴ Якобинец Пайян, один из близких друзей и соратников Робеспьера, горячо клеймит "ярость муниципализировать и присоединять, внушенную изменниками и глупцами".⁶⁵ Но отдельные эксцессы не меняют той общей характеристики исторической сущности французской оккупации, которая дана была Лениным: "...в революционных войнах Франции был элемент грабежа и завоевания чужих земель французами, но это несколько не меняет основного исторического значения этих войн, которые разрушали и потрясали феодализм и абсолютизм всей старой, крепостнической Европы".⁶⁶

Революционный характер французской оккупации постепенно выветривается в период Директории и Бонапарта, т.е. вместе с закатом демократии внутри страны. "Элементы грабежа и завоевания" непрерывно разрастаются, доходя при Директории до образования "дочерних республик", а при Бонапарте — до насаждения на королевские престолы "братьев" Наполеона. В отношении роста и развития указанных элементов показателен приказ Наполеона к его итальянской армии от 27 марта 1796 г.: "Вы наги, плохо питаетесь... В вашей власти богатые области, большие города; там вы найдете себе честь, славу и богатство". Не менее характерна в этом смысле также переписка Директории с Бонапартом о систематическом изъятии художественных ценностей из городов оккупированной Италии, чтобы "присоединить к блеску военных трофеев очарование благотворных и утешительных искусств".⁶⁷ Отметим попутно также характерное признание самого Наполеона, что "государям нечего было опасаться моего

оружия", ибо оно нигде и никогда "не революционизировало их стран, не муниципализировало их городов и не подымало их подданных".⁶⁸ Отсюда — отказ Наполеона во время русского похода от освобождения крепостных крестьян (письмо от 20 декабря 1812 г.). Тем не менее, несмотря на указанные факты, наполеоновская оккупация существенно отличалась от оккупации феодально-абсолютистских государств. Она приносила с собой в ряде стран новое гражданское право — Code Napoleon, евангелие победоносной буржуазии, которое, попадая даже на феодальную почву, расчищало пути для капиталистического развития.

Институты права войны в период феодально-абсолютистского государства отражали феодальный произвол (Faustrecht), помноженный на хищничество первоначального капиталистического накопления. Для этой эпохи типичны претензии отдельных держав на господство над открытыми морями (mare clausum), каперство, граничащее с пиратством и неуловимо в него переходящее, фиктивная "кабинетная", "бумажная" блокада и беспощадная борьба с неприятельской частной собственностью на море.

Будучи на море относительно слабой, революционная Франция вынуждена была в основном ограничиться здесь обороной. Однако и в этой области ею сделана была попытка глубокой реформы исторически сложившихся институтов права морской войны. 29 мая 1792 г. в Законодательное собрание был внесен проект декрета (Керсен) о полном запрещении как каперства, так и захвата частной собственности на море.⁶⁹ Собрание поручило правительству вступить в переговоры с другими государствами об отмене каперства. 19 июня 1792 г. французское правительство сделало соответствующий запрос, но положительный ответ получило только от города Гамбурга. Сильнейшая морская держава — Англия — уклонилась от ответа и с начала войны против Франции широко пользовалась орудием каперства. Это побудило и французское правительство вступить на тот же путь (декрет Конвента от 31 января 1793 г.).⁷⁰

Борьбу с неприятельской собственностью на море Франция начала с применения принципов франко-американского договора 1778 г. (флаг покрывает груз, кроме военной контрабанды), но затем также была вынуждена ответить талионом на соответствующие мероприятия своих врагов (английская нота от 17 июля 1793 г. и Orders in Council от 8 июня и 6 ноября 1793 г., от 8 января 1794 г. и др.).⁷¹ Отметим интересное решение французского призового трибунала по делу о захвате английского корабля "Мария". Последний, несмотря на английскую свою национальность, был освобожден судом от захвата, потому что направлялся с грузом продовольствия во французский порт, население которого страдало от недостатка съестных припасов. "Те, кто оказывает нам услугу, — говорилось (в приговоре суда, — к какому бы народу они ни принадлежали, являются нашими друзьями".⁷²

Широкое распространение в войнах французской революции получил институт морской блокады. Вопреки принципу, провозглашенному Лигой вооруженного нейтралитета в 1780 г. (требование эффективности блокады), английское правительство многократно применяло против Франции заведомо фиктивную блокаду. Устами Питта оно мотивировало эту политику следующим образом: "Франция должна быть оторвана от мировой торговли, и с ней надо обращаться так, как если бы она имела один только город, один только порт, и это место было бы подвергнуто блокаде и обречено на голод с суши и с моря".⁷³ Последним ответом со стороны Франции на английскую блокаду была "континентальная блокада", провозглашенная Наполеоном I в его берлинских и миланских декретах от 21 ноября 1806 г. и 23 ноября — 17 декабря 1807 г.⁷⁴

Морская политика французской революции — естественное продолжение провозглашенного ею же принципа свободы международных рек — была выражением жизненных интересов молодого французского капитализма, отвоёвывавшего от монополистов лондонского Сити и их полуфеодальных союзников право на свободную конкуренцию, на открытые двери и открытые моря.

Заканчивая обзор международно-правовых новелл французской революции в области права войны, необходимо остановиться на режиме нейтралитета.

Феодально-абсолютистское государство понимало нейтралитет как предоставление обеим воюющим сторонам одинаковых возможностей. На этом основании допускались проход воюющих армий через нейтральную территорию (passage inoffensive), вербовка

солдат воюющими в нейтральном государстве и даже односторонняя поставка войск одному из воюющих, если она производилась в силу заключенного ранее договора.⁷⁵

Напротив, декрет Конвента от 17 ноября 1793 г. "обязывает граждан и всех гражданских и военных служащих республики уважать и заставлять уважать территорию всех нейтральных или союзных наций" (ст.4). Исходя из этих принципов, Франция считала нарушением обязанностей нейтралитета пропуск нейтральным государством через свою территорию неприятельской армии. Поэтому германские княжества, допустившие проход австро-прусских войск, рассматривались Францией как враждебные Франции государства. Отдельные германские государства (Нассау-Сешен и др.), выставив свои воинские контингенты для включения в состав имперской австрийской армии, продолжали считать себя нейтральными, ссылаясь на свою "готическую конституцию".⁷⁶ Франция отвергла этот тезис, заявив, что государство, "выставив свой контингент, не может называться нейтральным иначе как в насмешку".⁷⁷ По франко-прусскому договору от 17 мая 1795 г. Франция соглашалась признавать нейтральными германские государства, расположенные к северу от Майна, при условии, что они отзовут свои контингенты из имперской армии и будут строго соблюдать обязанности нейтралитета.⁷⁸ Точно так же, признавая нейтралитет швейцарских кантонов, французское правительство не возобновило прежних франко-швейцарских капитуляций, предоставлявших Франции право вербовать себе солдат в Швейцарии.⁷⁹ Когда отдельные представители французского военного командования или дипломатии нарушали права нейтральных государств, французское правительство немедленно призывало их к порядку (инцидент с генералом д'Ансельмом в Италии и с послом Женэ в США).⁸⁰

В период Директории и Бонапарта наблюдается определенный регресс и в области применения прав нейтралитета. Так, например, 19 января 1796 г. Директория дает инструкцию главнокомандующему французскими войсками в Италии: "Мы не хотим ссориться с генуэзцами, мы не желаем подвергать опасности их нейтралитет; тем не менее нужно, чтобы они дали нам денег на наши потребности. Изобилие находится за дверью, которую придется взломать".⁸¹ Наполеон еще меньше церемонился со "взломом" нейтральных дверей, примером чего могут служить оккупация Тосканы, Египта и захват на баденской территории герцога Энгиенского.

Французские нововведения в области нейтралитета, вошедшие в практику XIX века и закрепленные, в частности в гаагских конвенциях 1907 г., связаны как с новой системой организации армии (отказ от наемных и иностранных контингентов), так и с характером войн революционной Франции ("народный суверенитет", новое понятие территории и пр.), не допускавшим того обращения с нейтральными странами, которое типично для феодально-абсолютистского периода. Наконец, ставка Конвента на международное сотрудничество буржуазии против феодальной реакции также сыграла немалую роль в утверждении новой концепции нейтралитета.

III

Нам остается подвести итоги и ответить на вопрос, что внесла французская буржуазная революция 1789 г. в международное право вообще и в право войны в частности.

В буржуазной литературе мы находим на этот вопрос различные ответы. Одни авторы настолько переоценивают исторический вклад французской революции, что находят в ее опыте готовые образцы и договора Лиги наций (Редслоб), и проекта Международного суда (Ланге), и пакта Келлога, и системы коллективной безопасности (Олар).⁸²

Нельзя, однако, согласиться и с теми исследователями, которые, впадая в противоположную крайность, склонны недооценивать международно-правовое значение французской революции. Так, по мнению Сореля, французские революционеры "не разрушают традиций старого порядка, а присваивают их себе. Они не вводят ничего нового, а продолжают старое".⁸³ Шаллин также оценивает международно-правовую практику наполеоновской империи как "простой и ясный возврат к практическому и традиционному международному праву XVIII века".⁸⁴

Некоторые авторы пытаются дать более положительную характеристику международно-правового вклада французской революции, но в силу методологической порочности буржуазной науки не в состоянии выйти за рамки формально-догматических

определений. Так, Ланге, повторяя почти текстуально Минье, констатирует, что французская революция превратила международное право из права междукоролевского в право междугосударственное.⁸⁵ По мнению Фурноля, международное право благодаря французской революции приобрело нормативный характер.⁸⁶ Для профессора Оксфордского университета П.Виноградова революция 1789 г. положила основание новому типу международного права, построенному на переносе концепций частного права в право международное.⁸⁷

Пытаясь дать объяснение неоспоримого факта громадного влияния французской революции 1789 г. на международное право, буржуазная литература обычно обращается к различным политико-философским теориям писателей, предшественников французской революции, и объясняет соответствующие революционные акты как внутреннего, так и международного порядка влиянием того или иного мыслителя на вождей революции. Для Краббе, например, ясно, что государство, созданное французской революцией, — "практическое последствие рационализма XVII века", что Руссо — "библия французской революции", и т.д.⁸⁸ Для Бадевана идеи Монтескье и Руссо "вдохновили новую практику революционных войн".⁸⁹ Редслоб сначала искал истоки международного права французской революции у Локка и Руссо, а затем обнаружил их у Витториа, блаженного Августина и даже у Аристотеля.⁹⁰ Алэнгри не пошел так далеко и ограничился Декартом.⁹¹ Зато Нис возводит французскую международно-правовую теорию к Английской философии XVII в., устанавливая нижеследующую филиацию: Гоббс, Локк, Бэкон, Вольтер, Монтескье, Руссо, Мабли, Тюрго, Рейналь, Гольбах, Кондорсэ и т.д. Конечный вывод Ниса — будучи выражением принципов индивидуализма внутри страны, "французская революция была таковой же и в сфере международных сношений".⁹² Матъез, заявляя отвод против Монтескье, пополняет список Ниса Бентамом и заканчивает его Кантом и Руссо, квалифицируя последнего как пионера "революционного патриотизма".⁹³ Насколько теоретические схемы подобного сорта приводят исследователя к самым произвольным выводам, видно на примере проф. Буркена: он выводит из доктрины народного суверенитета "священный эгоизм", "национализм" и прочие корни международных конфликтов⁹⁴, то время как Вамбог из того же принципа народного суверенитета выводит плебисциты, борьбу с международной агрессией и с политикой завоеваний.⁹⁵

Ключ к правильному уяснению международно-правовых позиций французской революции следует искать в тех социально-экономических изменениях, которые происходили во Франции того времени, в политике тех классов и групп, которые стояли у кормила ее государственной власти. В некоторых вопросах классовая подоплека сама бьет в глаза. Так, например, когда революционная Франция защищала перед лицом монархической коалиции принцип народного суверенитета, отвергала право одного государства вмешиваться во внутренние дела другого, когда ее победоносные армии содействовали ликвидации в оккупированных областях пережитков феодального строя или когда французское правительство добивалось отмены каперства и "свободы морей" как коррелата к "свободе торговли", то ясно и без комментариев, чьи классовые интересы здесь доминировали. В других случаях для выяснения соответствующей классовой заинтересованности требуется предварительный анализ. Так, например, понять новые принципы обращения с ранеными и пленными, можно, только уяснив себе новые методы пополнения французской армии и участие в ее рядах основных масс французской буржуазии и ее "резервов" (крестьянские и др.).

Таким образом, в соответствующих институтах международного права новый класс, ставший господствующим во Франции, стремился закрепить в международных отношениях порядок, угодный и выгодный буржуазии. Говоря о порядках, угодных и выгодных буржуазии, не следует впадать в упрощенчество и отождествлять классовую выгоду с узко карманными интересами французского купца или промышленника. Следует помнить указание Ленина, что "революция 1789 года во Франции, 1848 года в Германии и других странах была буржуазной революцией, потому что освобождение страны от абсолютизма и от помещичьих, крепостнических привилегий давало на деле свободу развития капитала. Но, само собою разумеется, такая революция самым настоящим образом требовалась интересами рабочего класса, и даже "беспартийные", неорганизованные в класс, рабочие 1789 и 1848 годов были передовыми борцами

французской и немецкой революции".⁹⁶ Поэтому и в правовых институтах этого периода как государственного права, так и международного мы находим ряд положений, которые для своего времени были прогрессивными и демократическими.

О влиянии международно-правовых принципов французской революции на современников ярко говорит тот факт, что даже враги ее, полуфеодальные правительства, вынуждены были, — пусть лицемерно и обманывая массы, — обращаться к языку и приемам революции. Напомним, например, конфискацию церковных ценностей в Испании, провозглашение поголовного восстания в Австрии, спекуляцию национально-освободительными лозунгами в Пруссии и т.д.⁹⁷ Не приходится говорить о том могучем отклике, который находили международно-правовые идеи французской революции в буржуазно-демократических и национально-освободительных движениях в других государствах земного шара, вплоть до далеких стран Южной и Центральной Америки.⁹⁸

В связи с дальнейшими победами буржуазии над феодалами в ряде стран Европы и Америки международно-правовые новеллы Великой французской буржуазной революции завоевывали себе все более широкое международное признание. Многие из них получили свое юридическое оформление как "общепризнанные начала международного права" и в качестве таковых вошли в различные договоры и конвенции XIX века. Известное указание Ленина, что "...весь XIX век, тот век, который дал цивилизацию и культуру всему человечеству, прошел под знаком Французской революции"⁹⁹, применимо полностью и к международному праву; достаточно для этого сопоставить содержание, например, международных соглашений о "законах и обычаях войны" (женевские и гаагские конвенции) с положенной в их основу международно-правовой практикой французской революции.

Выставляя новые передовые принципы международного права, французская буржуазия не была, однако, последовательной в их реализации. Мы уже отмечали изменение французской международно-правовой практики в период Директории и Наполеона, что являлось неизбежным следствием реакции внутри страны и сужения массовой базы французского буржуазного государства. "Буржуазная революция, — говорит товарищ Сталин, — не может сплотить вокруг буржуазии на сколько-нибудь длительный период миллионы трудящихся и эксплуатируемых масс именно потому, что они являются трудящимися и эксплуатируемыми..."¹⁰⁰ Как внутри страны буржуазия не может довести до конца буржуазную революцию и вымести дочиста грязь средневековья, так и в международных отношениях ни одно буржуазное государство не может быть до конца последовательно-революционным (торг народами Директории, наполеоновские завоевания и пр.).

Многие из прогрессивных принципов французской революции требовали в качестве необходимой предпосылки для своего осуществления в международном праве (например в праве морской войны) тесного международного сотрудничества государств. Между тем их разделяла глубокая пропасть противоречивых интересов. Здесь сказывался не только классовый антагонизм между пришедшей к власти буржуазией и отживавшим феодализмом, но и антагонизм интересов отдельных буржуазных государств, т. е. их правящих национально-капиталистических групп, ибо подлинно интернациональной может быть только та революция, которая несет с собой ликвидацию всех форм эксплуатации человека человеком. В качестве примера можно привести, помимо вооруженной борьбы английской буржуазии с французской, позицию США по отношению к Франции (конфликт из-за торговли с Антильскими островами и др.), завершившуюся отказом США от выполнения союзного договора с Францией. Характерен для буржуазной республики мотив этого отказа: договор военного союза был заключен правительством США с французским королем и потому он не распространяется-де на республиканскую Францию.¹⁰¹

Что дает нам, людям сталинской эпохи и гражданам великой социалистической родины, международно-правовой опыт революционной Франции и почему, в частности, мы, советские международники, вместе со всем, что есть честного и передового в современном человечестве, участвуем в торжестве 150-летней годовщины французской буржуазной революции?

Сегодня, когда загнивающий капитализм судорожно расправляется с заветами Великой французской революции и варварски топчет все то, что еще осталось от ее

завоеваний, когда под лживой маской демократизма финансовая олигархия обдѣлывает свои делишки за счет обманываемых и ограбляемых народов, когда те, кто без всякого на то права именуя себя потомками якобинцев, загоняют в подполье коммунистическую партию, единственную партию, действительно стоящую на страже национальных интересов и безопасности страны, — особенно своевременно напомнить ту подлинно революционную войну, которую вел против всех сил европейской реакции и феодального мракобесия полтора столетия тому назад героический французский народ. Самоотверженно борясь с коалицией тиранов, обороняясь от их войск и прихвостней внутри страны и за ее пределами, возглавляемый великими патриотами — якобинцами 1793 г., французский народ заложил тогда основы нового, буржуазно-демократического государственного строя и в пламени своих революционных войн сформулировал новые принципы международного права, для своего времени передовые, гуманные и демократические.

Советское государство, социалистическое отечество трудящихся всего мира, — творец и хранитель социалистического демократизма. Созданная им Сталинская Конституция является единственной в мире до конца демократической конституцией. СССР, братский союз свободных народов, — прообраз мирового Союза советских социалистических республик. Международная политика СССР, его неуклонная борьба с империалистическим насилием, борьба за действительное равноправие народов и государств, за подлинный мир и содружество народов — блестящий образец единственной, до конца демократической внешней политики. Только СССР, только страна победившего социализма может быть последовательно демократической и на международно-правовой арене. Идет ли речь о законах государственных или о "законах и обычаях" международных, о "мирных" формах общения государств или о "праве войны", — только правовая практика социалистического государства может быть в условиях настоящего времени подлинно человеческой, действительно гуманной, действительно освободительной и истинно демократической, ибо "демократия — это в настоящее время коммунизм" (Энгельс).

1. Ленин, т. XXIV, стр. 297
2. Французская революция 1789 г. в донесениях Симолина, "Литературное наследство", 1937.
3. См. Сталин, Об оппозиции, стр. 610.
4. Ленин, т. XXX, стр. 334.
5. Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 8
6. Duvergier, (Election comp?te de lots et d?crets de 1788 a 1824, Paris, 1824, t. IV, p. 140.
7. Ленин, т. XIX, стр. 325.
8. Rousseau, Contract social, L. I, ch. IV, 9. Ученые труды. Выпуск II.
9. Проект декрета, внесенный в Законодательное собрание 16 июля 1792 г. ср. также декрет 1 августа 1792 г.
10. Grotius, De jure belli ac pads Hbri tres, t. III, cap. IV.
11. См. Delbr?ck, Geschlchte der Krlgskunst, русский перевод, 1938, стр. 356, 366.
12. "Omnes eviscaverunt et aurum et argentum multiim invenerunt In vjscribus eorutn et fel eorum usui mediclnall servaverunt". Hove den, Annal. Rer. Angl. pp. 696—698. См. также: Froissart, Chronique, t. III, ch. 20; Vieillard, Baron, Les prisonniers de guerre, P., 1903, p. 41; Basdevant, La revolution francaise et le droit de la guerre continental, P., 1901, pp. 100, 101, 104.
13. "Archives parlementaires", t. XLVII, pp. 412, 414.
14. "Recueil des actes du Comite de salut public", t. V.
- 15 Там же, т. IV, стр. 542—543.
16. Там же, т. XII, стр. 109-178.
17. "Archives parlementaires", t. XLVII, pp. 359-360.
18. Gama, Esquisse historique du service de sante militaire, P., 1841, p. 769.
19. Martens, Recueil des traites, t. VI, pp. 744—748.
20. Rouffiandis, Les hopltaux de Garr?e des Pyrenees Orientates, "Revolution irangalse", 1938, pp. 145—174.
21. Constant, De Tesprit de conquete et de Toccupatlon dans leurs rapports avec la civilisation europdenne, pp. 16—17.
22. См. Bynkershock, Quaestiones juris public!, t. I. cap. I.
23. См. "Recueil des actes du Comit? de salut public", t. IX. p. 207.
24. Там же, т. IX, p. 604; т. X, p. 738; т. XVI, p. 55.

25. см, "Archives parlementaires", t.LX, p.98. t.LXIII, p.143; "Recueil des actes du Comit? de salut public", t. VII, p. 169 t. VIII, p. 58; t.IX, p.922, 630 ff.
26. "Французская революция 1789 г. в донесениях Симолина", "Литературное наследство", 1937, № 29/30, стр.430, 431, 435, 448—450, 456—459, 489,524-532:
27. Hill, Gouverneur. Morria t?moin de la r?volution francaire 1792—94 "Revolution franchise", 1938, pp.138—144, "R?volution franchise", 1907, t.LIH, pp.178-181.
28. Матьез, Французская революции, т.IV, 1930, стр.17,92.
29. Сорель, Европа и французская революция, т.IV, 1892, стр.159.
30. См. Матьез, Французская революция, т.III, стр.94; см. также записку австрийского дипломата Мерен (Сорель, т.III, стр. 256).
31. Матьез, Французская революция, т.II, стр.79, 134
32. См. Матьез,Французская революция, т.III, гл.VIII.
33. Маркс и Энгельс. Соч., т.III, стр.603.
34. См. Кунов, Борьба классов и партий в Великой французской революции, М., 1923, стр.314.
35. См. Leclerc, La trahison des colons-aristocrates de Saint-Dominique en 1793—94 "Annales historiques de la revolution francaise", 1934, pp.348-350.
36. См. Aulard, Les bulletins d'un espion royaliste dans les papiers de lord Granville. La revolution francaise, 1897, pp.121—128.
37. См. Lefebvre, Sur Danton, "Annales historiques de la revolution francaise", 1932; pp.385-424, 485—500; Матьез, Французская революция, т.II, стр.93-100; Mansuy, Robiespierre Vu de Pologne, "Annales historiques de la revolution francaise", 1933, pp.228-229.
42. Матьез, Французская революция, т.III, стр.95.
43. Herfaut, Les negotiations du g?n?ral Custine avec l'ennemi "Annales historiques de la r?volution francaise", 1932, p. 519.
44. См. Caudrillier, L'association royaliste de l'institut philanthropique ? Bordeaux et la conspiration anglaise en France, "R?volution francaise", 1908, t. 54.
45. Basdevant, La r?volution francaise et le droit de la guerre continentale. P., 1901, p.174.
46. См. Маркс и Энгельс, Соч., т.XIV, стр.171—172.
47. "Recueil des actes du Comite de salut public", t.IV, pp.203—204.
48. Там же, т.II, стр.294
49. См. "Archives parlementaires", t.XLIX, pp.12—13; Aulard, Societe des jacobins, t.V, p.367.
50. См. "Moniteur". 10 prairial, an II.
51. Сорель, Европа и французская революция, т.II, стр.78; т.III, стр.420—421; т.IV, стр.51.
52. См. "Archives parlamentaires", t.LV, p.165.
53. См. "Revolution franchise", 1899, t.37, p.379; "Recuell des actes du Comite de salut public", t.VII, p.359.
54. См. Сорель, Европа и французская революция, т.III, стр.199, 328
55. Crossbart, La politique polonaise de la revolution francaise, "Annales historique de la revolution francaise", 1929, 1930.
56. Сорель, Европа и французская революция, т.V, стр.41—42.
57. Cheva11ey, Droit des gens napoleonien, P., 1911, p.13.
58. Duvergier, Collection des lois, t.IV, p.125; Sorel. op.cit., t.III, pp. 126-127.
59. Nys, Etudes de droit International, Bruxelles, 1896, p.584.
60. "Moniteur", 21 decembre 1792.
61. См. "Archives parlementaires", t.LX, pp.70—76; "Recuell des actes du Comite de salut public", t.I, pp.331-335.
62. См. "Recueil des actes du Comite de salut public", t.II, p.255.
63. "Recueil des actes du Comlte de salut public", t.XII. p.481.
64. Там же, т.X, стр.188, 413; Сорель, Европа и французская революция, т.III.
65. Mathiez, La politique ?trang?re, Le plan Robespierre, "Annales historiques de la revolution francaise", 1935.
66. Ленин, т.XVIII, стр.194.
67. Сорель, Европа и французская революция, т.V, стр.82.
68. Napoleon I., "Correspondence", t.XXII, p.254.
69. "Moniteur", 1 juin 1792.
70. См. Pistoy et Duverdy, Trait? des prises maritimes, P., 1859, t.I, pp.7—12.
71. См. Wheaton, Histoire des progr?s du droit des gens, Leipzig, 1865, t.II, pp.32—34.
72. Pistoy et Duverdy, Tralte des prises maritimes, t.I, p.31.
73. Reds lob, Histoire des grands principes du droit des gens, P., 1923, p.330.
74. См. Тарле, Континентальная блокада, М., 1913, стр.253—297 и др.
75. См. Grotius, De jure belli ac pacis libri tres, t.III, cap.XVII; Vattel, Le droit des gens, t.III, ch.VI, §§ 95—101.
76. "Archives parlementaires", t.LV, p.104.
77. "Recueil des actes du Comito de salut public", t.II, p.290.

78. См. Сорель, Европа и французская революция, т.IV, стр.257.
79. Basdevant, op.cit., p.203.
80. См. "Recueil des actes du Comite de salut public", t.I, pp.213—214. Сорель, Европа и французская революция, т.III, стр.336.
81. Сорель, Европа и французская революция, т.V, стр.143,144.
82. См. Lang, Histoire de le doctrine pacifique, Recueides cours de l'Academie de droit International, 1926, t.III, pp.337, 340; Redslob, Histoire des grands principes du droit des gens, pp.289—290; Aulard, La guerre hors de loi — id?e francaise, "Oeuvre", 14 juillet 1928.
83. Сорель, Европа и французская революция, т.I, стр.425—126.
84. Cha11ine, Le droit international public dans la jurisprudence francaise de 1789 a 1848. 1934.
85. См. Lange, op.cit., p.336; Mignet, Histoire de la revolution francaise p.183.
86. См. Fournol, Le caractere international de la revolution francaise, "Revolution francaise", 1956, p.228.
87. См. Vinogradoff, Historical types of international law, Bibliotheca Visseriana, 1923, pp.53-56.
88. Krabbe, L'idee moderne de l'Etat. "Recuell des cours". 1926, t.III, pp.558-564.
89. Basdevant, op.cit., p.3.
90. См. Redslob. Das Problem des V?lkerrechts, Leipzig, 1917, ss. 217—219, "Les princples du droit des gens", P., 1937, p.245.
91. См. Alengry, La philosophic politlque de la revolution francaise, "Revolution francaise". 1938, p.112.
92. Nys. Etudes. pp. 318-345, 406.
93. Mathiez, La plase de Montesquieu dans 1'histoire des doctrines politiques du XVIII siecle, "Annales historiques de la revolution francaise", 1930, pp.97—112; "Pacifisme et nationalisme au XVIII siecle", "Annales historiques de la revolution francaise", 1936, pp.8—16.
94. См. Bourguin, R?gies generates du droit de la paix, "Recueil des cours" 1931, t.I, p.20.
95. См. Wambaugh, La pratique des plebiscites Internationaux, 1927. t.III, p.155.
96. Ленин, т.XVI, стр.186.
97. См. Mathiez, La revolution francaise, "Annales historiques de la revolution francaise", 1933, p.21.
98. См. Matos. L'Amerique et la Societe des Nations. "Recuelldes cours" 1929. t.III pp.19-23; Guani La solidarite Internationale dans l'Amerique Latine, 1925, t.III, pp.215-216; Vitta. La defense Internationale de la liberte et de la moralite individuelle, 1935, t.III, p.556.
99. Ленин, т.XXV, стр.304.
100. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр.112.
101. См. Aulard, Washington et le clef de Bastille, "Revolution francaise", 1925, p.9; Barcia Trelles. La doctrine de Monroe dans son developpement historique "Recueil des cours", 1930, t.II, p.413.

Тематические материалы в нашей библиотеке (кроме указанных в ссылках):

- «Террор в порядке дня!» http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_terr.pdf
(подборка документов)
- А.Дживелегов. Армия Великой французской революции и ее вожди http://vive-liberta.narod.ru/biblio/jvelg_army.pdf
- Р.Авербух. Террористический режим во Франции в 1793-94 гг. http://vive-liberta.narod.ru/journal/aver_terr.pdf
- ФРАКЦИОННАЯ БОРЬБА 1793-94 гг. (подборка документов) http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_classtrug.pdf
- А.Гордон. Федералистский мятеж <http://vive-liberta.narod.ru/journal/gordon6.pdf>
- В.Третьяков. Французские революционные войны 1792-96 гг. Стратегический очерк <http://vive-liberta.narod.ru/journal/tretyakov.pdf>
- Г.Форстер. Революционные события в Майнце http://enlightment2005.narod.ru/private/Allem/schub_forst.htm#forst2
- М.Буковецкая. Борьба якобинцев за создание революционной армии Франции http://vive-liberta.narod.ru/journal/arm_bukov.pdf
- М.Булазо. Комитет Общественного спасения http://vive-liberta.narod.ru/journal/fe_66_CPS.htm
- Я.Старосельский. Проблемы якобинской диктатуры http://vive-liberta.narod.ru/biblio/starsl_jc_1.htm